

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОПЕРНИЧЕСТВЕ РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX в.

Е.Г. Гарбузарова

Приводится оценка англо-русского соперничества в западной историографии. Рассмотрены преимущественно позиции британских историков в отношении противоречий между Российской и Британской империями в Центральной Азии в XIX в.

Ключевые слова: англо-русское соперничество; историография; Большая игра; Центральная Азия.

В последнее время Центральная Азия привлекает внимание ведущих мировых держав, интересы которых носят геополитический и стратегический характер. В XIX в. борьбу за сферы влияния и ключевые интересы в Центральной

Азии английские историки называли “Большой игрой”, а центральноазиатские страны и территории – “пешками на шахматной доске”. В то время соперничество между Россией и Великобританией разворачивалось не только за регио-

нальное, но и международное доминирование. В ХХI в. с изменением архитектуры международных отношений в Центральноазиатском регионе (распад СССР) частично поменялись игроки и наметились наиболее общие интересы. Современную борьбу за преимущества в Центральной Азии называют новой “Большой игрой”.

Поскольку Центральная Азия по-прежнему остается в поле зрения мировых держав, то особый интерес представляет внешнеполитическая деятельность России и Великобритании в этом регионе в XIX в. В этот период в условиях нарастания англо-русских противоречий происходит присоединение обширных центральноазиатских территорий к России. В данной статье предпринята попытка показать, как данное событие оценивалось в западной историографии.

Во второй половине XIX в. Россия активизирует свою внешнюю политику в Центральной Азии, столкнувшись с агрессией Великобритании как в вопросах регионального, так и международного характера. Для Великобритании Центральная Азия представляла собой “буферную территорию”, которая прикрывала сухопутные подступы к Индии. Российское правительство осознавало, какое политическое и экономическое значение имеет Индия для Великобритании, и чтобы прочно утвердить, закрепить и обезопасить там свое влияние ей необходимо контролировать ситуацию в сопредельных с Индией странах – в Центральной Азии, Афганистане, Персии. Однако тогда бы под угрозой были бы и в общем-то оказались южные рубежи Российской империи. Для защиты южного фланга российским руководством принимается решение начать наступательную политику и тем самым к 1895 г. прочно утвердиться на Памире. Так, России, несмотря на активное противодействие Великобритании, удалось обезопасить свои границы и укрепить свои позиции в Центральной Азии.

В зарубежной историографии внешняя политика России в Центральной Азии в XIX в. оценивалась и оценивается с точки зрения концепции о якобы “русской угрозе” Индии. На рубеже XIX – начала XX вв. большинство публикаций использовали миф о “русской угрозе” британским владениям в Индии и, как следствие этого, призывали к активизации английского присутствия на Востоке, в частности, в Центральной Азии. Г. Роулинсон, Дж. Керзон, Дж. Мак-Гахан, Дж. Мак-Грегор, Р. Шоу, Э. Бернштейн, А. Мекин, Ф. Барнеби настаивали на оборонительной политике англичан и исключительно агрессивной политике русских. Генри Роулинсон, быв-

ший советник политической службы и на тот момент председатель Королевского Географического общества Британии в своей книге “Англия и Россия на Востоке. Серия документов о политических и географических характеристиках Центральной Азии” видел единственный способ сдержать продвижение России в Центральной Азии, а в частности преградить ей путь в Индию при помощи вооруженной силы. В 1868 г., после присоединения Бухарского эмирата к России, он представил английскому правительству свой меморандум, ставший отправной точкой для всей британской политики в Центральной Азии. Именно Генри Роулинсон уверял, что Россия действует в своей центральноазиатской политике, исходя из тщательно продуманного плана захвата Индии [1, р. 272–273]. Г. Роулинсон считал, что дни Коканда, Бухары и Хивы сочтены и, безусловно, допускал возможность скорого появления русских аванпостов на Амударье, и расценивал эти действия как первый шаг к осуществлению походов на Индию [1, р. 292]. В противодействие российскому продвижению в Центральную Азию Британия должна добиться господствующего положения в Афганистане и склонить к союзу персидского шаха, считал Генри Роулинсон.

Английский генерал Мак-Грегор в своей работе “Оборона Индии” предлагал лондонскому правительству развернуть наступательные действия против России как в Европе, так и в Азии. В Европе – это должно быть создание антирусской коалиции в составе Германии, Австрии и Турции с предложением “...каждому государству в вознаграждение за его помощь известную часть русской территории” [2, р. 207], а в Азии – это захват Герата как стратегического пункта и привлечение персидского шаха на сторону Британии [2, р. 209–210]. Великобритания действительно боялась, что Россия могла в скором времени занять Герат, и тогда, как уверял Мак-Грегор, она достигнет “такого господствующего положения, которое даст ей возможность в будущем еще более угрожать Индии” [2, р. 75]. Кроме того, Мак-Грегор предлагал отправить английских эмиссаров в Центральную Азию, так называемых “туземных лазутчиков, которых в Индии отыщется немало”, с целью уговорить местное население выступить против России, организовав ряд восстаний [2, р. 204].

Более жесткой направленностью отличались работы антирусских английских историков Д. Булджера и Ч. Марвина, которые рекомендовали лондонскому правительству проводить раз-

вернутые наступательные действия, постепенно захватывая ключевые территории в центральноазиатском регионе. Кроме того, Д. Булджер отмечал в своей работе “Проблемы Центральной Азии. Очерки по истории Афганистана и Хивы” стратегическую роль Герата и необходимость установления там английского влияния [3, р. 107]. Тем не менее, Д. Булджер объективно оценивал завоевание Россией Хивинского ханства. Он писал, что “Хива разрушала границы, будоражила киргизов, она предоставляла убежище русским врагам, и когда бы не представился случай, она захватывала самих русских...” [4, р. 151].

Несмотря на то, что лондонское правительство постоянно раздувало в прессе концепцию “русской угрозы” британским владениям в Индии, не все западные исследователи рассматривали политику Российской империи в Центральноазиатском регионе как агрессивную и наступательную, и ставили под сомнение возможность русского вторжения в Индию [5]. Э. Ротштейн открыто критикует внешнюю политику лондонского кабинета, указывая на его постоянное стремление к мировому господству [6]. Помимо реализации политических интересов, лондонский предприниматель Дж. Адамс отмечал в своей работе, что Британия также старалась открыть Центральноазиатский регион для английской торговли и расширить рынки сбыта своих товаров. Он считал, что англичане должны приложить все усилия, чтобы вывести свои товары в Центральной Азии на более высокий уровень спроса, в противовес русским товарам [7, р. 66].

В период существования СССР англо-русское соперничество продолжает вызывать интерес у западных историков. В их трудах продолжает превалировать тенденция об агрессивном характере политики России в Центральной Азии. Оправдывая политику Британии, западная историография, на основе тезиса о “русской угрозе” Индии, настойчиво обвиняет Россию в интервенции в Центральноазиатский регион. Антисоветской позиции придерживались В.К. Фрейзер-Тайтлер, Р.Л. Гривс, Дж. Уиллер. В. К. Фрейзер-Тайтлер в своей работе “Афганистан. Изучение политической ситуации в Центральной Азии” настаивал на оборонительной политике Великобритании и исключительной наступательной со стороны России и ее стремление получить доступ к “теплым морям” [8, р. 123]. Кроме того, он склонен был придерживаться мнения о праве империалистических держав вмешиваться в дела азиатских государств, рассматривая это вмешательство как выгодное дело для последних.

Р.Л. Гривс в своем исследовании “Персия и оборона Индии” отмечал, что английская политика “обороны Индии” представляла собой комплекс различных мероприятий, которые якобы были выгодны сопредельным с Индией странам и которые получали от присутствия англичан в своих странах значительные бонусы [9, р. 99–101]. Как и многие другие английские историки, Р.Л. Гривс был склонен считать, что у российского правительства были обдуманные планы по поводу вторжения в Индию. В связи с этим он приводит пример о взятии русскими Мерва в 1883–1884 гг., тем самым, как он утверждал, Россия оказалась на подступах к Индии, и заключал, что с того момента Центральная Азия была потеряна для Британии.

Британский историк Дж. Уиллер заявлял, что “лондонское правительство не вынашивало никакого плана расширения империи за счет Средней Азии” [10, р. 32]. Кроме того, он облагораживал и в какой-то мере приукрашивал британскую политику в Центральной Азии, уверяя, что по сравнению с российской она носила мирный, безмятежный и миролюбивый характер [10, р. 80]. И это в то время, когда англичане пытались захватить Афганистан и разжигали недовольство среди местного центральноазиатского населения против России.

Однако среди западных историков выделялись и те, которые выдвигали иные мнения при исследовании и анализе русско-английских противоречий, подчеркивая наступательную политику двух империй: П. Сайкс и К.Ф. Эндрюс. К примеру, П. Сайкс утверждал, что Россия и Великобритания старались обеспечить безопасность своих сфер влияния в Центральной Азии и поэтому стремились обуздать как явные, так и вероятные посягательства на них. Афганистан рассматривался британским правительством как стратегическая территория на центральноазиатском пространстве, откуда можно было увеличить свое региональное влияние на процессы, происходящие во всей Центральной Азии. П. Сайкс подчеркивал, что лондонское правительство стремилось из всех сил установить и сохранить английское господство в Афганистане [11, р. 31].

К.Ф. Эндрюс, в свою очередь, отмечал, что именно политика Британии на Среднем Востоке и в Центральной Азии отличалась особой экспансионистской направленностью [12, р. 43].

Характеризуя зарубежную историографию, следует указать на ее недостаточно обоснованную концептуальную идею об “извечной агрессивности” Российской империи. Современные

зарубежные исследователи так же, как и их предшественники пытаются доказать “достоверность” так называемого “завещания” Петра I, суть которого заключается в “угрозе” британской жемчужины Индии со стороны Российской империи. М. Хонер утверждал в своем труде “Центральноазиатская геополитика за последние 100 лет: критический анализ от Горчакова до Горбачева”, что с тех пор как Петр Великий якобы отметил существенное значение Центральноазиатского региона для будущего России, “с этого момента и начинается ее расширение на Юг” [13, р. 5]. Тем не менее, большинство зарубежных исследователей склонялись к мысли о том, что Российская империя руководствовалась в регионе принципами цивилизованной миссии, одним из которых являлось построение центральноазиатского общества по европейским стандартам. Британский писатель Редьярд Киплинг был ярким защитником “Большой игры”, именно ему принадлежит термин “ноша белого человека”, т.е. политика России в Центральной Азии [14, р. 172]. Российский писатель Федор Михайлович Достоевский тоже подчеркивал значимость Центральной Азии для будущего России и оправдывал завоевание этого региона как миссию во имя распространения цивилизации. Ф.М. Достоевский сравнивал завоевание Центральной Азии Россией с европейским завоеванием Северной Америки [13, р. 16].

Концептуальные взгляды представителей новейшей зарубежной историографии по вопросам центральноазиатской политики Российской империи не претерпели существенных изменений, хотя претензии к “новому” прочтению старых истин продолжают преобладать в их исследованиях. Подтверждение тому труды П. Хопкирка, Н. Тукера, К. Мейера и Ш. Брисака, в которых в очередной раз акцентируется внимание на якобы агрессивной политике России и ее экспансионистских замыслах. По мнению западных авторов, Центральная Азия являлась ареной столкновения геополитических интересов Российской и Британской империй, где центральноазиатские ханства, а также Афганистан и Персия являлись “шахматными фигурами на доске”, где шла борьба за мировое господство.

Интерес вызывает работа Карла Мейера и Шарен Брисака “Столкновение теней: Большая игра или гонка за доминирование в Центральной Азии”, где авторы проводят ретроспективный анализ как самого понятия “Большой игры”, так и ее сущности [15]. Они пишут, что термин “Большая игра”, под которой подразумевается

геополитическое столкновение царской России и викторианской Британии за контроль в Центральной Азии, был введен в оборот лейтенантом Артуром Конолли (1807–1842). В 1837 г. граф К.В. Нессельроде, министр иностранных дел России с 1822 по 1856 гг., дал другой описательный термин этому конфликту – “Столкновение теней” (Tournament of Shadows).

Кроме того, авторы пытаются дать новую оценку классической “Большой игре”, ее участникам и месту действия. Они склонны утверждать, что Россия стремилась к геополитическому и экономическому контролю в Южной Азии, а также к выходу и созданию морского порта в Индийском океане. Однако британское владение индийским субконтинентом не позволило России добиться выхода к Индийскому океану. Они отмечают, что именно установление в Афганистане политического и экономического контроля помогло Великобритании помешать России окончательно закрепить свое влияние в Центральноазиатском регионе. К. Мейер и Ш. Брисак отмечают, что Центральная Азия стала навязчивой идеей не только для русских и англичан, но и для немцев, китайцев и японцев. Примечательным в книге является и тот момент, что авторы исследуют деятельность таких выдающихся личностей, как Л.П. Блавацкая (1831–1891), С.А. Гедин (1865–1952), Н. Рерих (1874–1947) и др., которые в свое время тоже были участниками “Большой игры” и сыграли заметную роль в исследовании Центральной Азии. Авторы подчеркивают, что в интересах России в Центральной Азии действовала Л.П. Блавацкая, основательница теософического общества и пантеистической философско-религиозной системы. С.А. Гедин, известный шведский исследователь, в своем труде из тринадцати книг в деталях и очень точно описал южный Тибет и Центральную Азию, предоставив карты, которыми якобы пользовалась западная разведка во время Второй мировой войны для местонахождения российских и китайских ядерных полигонов. Н. Рерих был одним из необычных исследователей Центральной Азии, российский художник и теософический мистик, находившийся под влиянием Генри Воллоса, известного приверженца оккультизма, да к тому же секретаря по вопросам сельского хозяйства при Ф. Рузвельте. В течение нескольких лет Н. Рерих искал легендарный и скрытый рай Шамбалу, расположенную на тот момент на российской территории к северу от Тибета. К. Мейер и Ш. Брисак задаются вопросом, был ли Н. Рерих шпионом и кого он поддерживал, если Россию, то

почему важная советская информация оказалась у англо-американцев. Доказательство этому – найденные авторами документы в библиотеке Рузвельта в Хайд-парке о плане между американцами, британцами и японцами, датированные 1933 г., суть которых заключалась в установлении контроля на Тибете и воплощении проекта “Шамбала”. В общем, работа этих американских авторов раскрывает геополитическую борьбу за контроль в Центральной Азии, начиная от колониальной экспансии России и Британии, защиты границ, контроля над природными ресурсами и торговыми маршрутами и заканчивая поисками мистических территорий, таких как Шангри-Ла. Авторы отмечают, что англо-русское соперничество за Центральную Азию с ее исследованиями, картографическими усилиями, войной чужими руками, шпионами, предательством и интригами продолжается в различной форме и сегодня. Особое предпочтение следует отдать исследователям, основным игрокам “Большой игры”, таким как Пржевальский, Гедин, Рерих и др. Ретроспективный анализ основных вех англо-русского соперничества в Центральной Азии является важным политическим и историческим уроком, так как изучение его крайне необходимо в новом тысячелетии, когда в новой форме продолжается “Большая игра” в Центральной Азии.

Американские и французские ориенталисты включились в исследование данного вопроса значительно позже. Американский историк Ф. Казем-Заде утверждает, что серьезных проблем в отношениях Российской империи и Британии на центральноазиатском геополитическом направлении удалось избежать, и дипломатия явилась поворотной вехой в межгосударственных отношениях обеих держав [16]. Монография французского писателя Анри Труайя подтвердила стремление Российской империи к миру и установлению дружественных, взаимовыгодных отношений с Британией [17]. Анри Труайя цитирует в своей работе слова Александра II: “Мы не можем, мы не хотим ссориться с Англией. С нашей стороны было бы безумием думать ... об Индии” [17, с. 189]. Эти слова российского императора еще раз подтверждают желание России улучшить отношения между двумя странами, которые особенно обострились в период управления Британией премьер-министра Б. Дизраэли (1804–1881). В это время Россия, как и прежде, искала пути налаживания отношений с британским правительством, и в каких-то моментах шла на компромисс (Афганское разграничение 1872–1873 гг.), тем не менее, в адрес России прозвуча-

ли следующие слова: “Британское правительство не сможет противостоять мнению английского народа, которое желает войны против России” [17, с. 196]. Следовательно, Британия планировала развязать войну против России и искала подходящую для этого территорию, там, где победа ей была бы гарантирована. Однако такой победы в Центральной Азии англичанам было довольно сложно достигнуть, и англо-афганские войны (1838–42, 1878–80) это подтвердили, а вот в европейских делах и в Восточном вопросе, где она выступала на стороне Турции, ей удалось подорвать положение России.

Таким образом, зарубежная историография подходит к проблеме исследования англо-русских противоречий в Центральной Азии в XIX в. довольно неоднозначно. Английская историография склонна идеализировать экспансионистскую политику Британской империи в Центральной Азии, приводя доводы о якобы ее положительном влиянии на развитие региональных государств и народов, и обвинять Россию в продуманной наступательной политике. Однако объективный взгляд на политику России в Центральной Азии действительно откроет те моменты, когда Центральноазиатский регион, по сути дела, являлся ношей для российского государства и политика обеспечения безопасности границ приобретала первостепенное значение. При этом стоит заметить, что обе державы как Россия, так и Британия, пытались обезопасить сферы своего влияния: Россия – южный фланг, а Британия – свою колонию Индию. Тем не менее, то, что Россия якобы стремилась к Индийскому океану, было маловероятным больше, нежели стремление Британии установить свой контроль в сопредельных с Индией государствах, для чего и планировалось захватить Герат как плацдарм для дальнейшего наступления в Центральной Азии.

Литература

1. *Rawlinson G.* England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. – London, 1875.
2. *MacGregor J.* Оборона Индии (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии): In 2 parts. – СПб., 1891. P. I.
3. *Boulger D.* Central Asian questions. Essays on Afganistan, Chiva and Central Asia. – London, 1885.
4. *Boulger D.* England and Russia in Central Asia: In 2 v. – London, 1879. V. 1.

5. *Phibbs I.M.* A Visit to the Russians in Central Asia. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., 1899.
6. *Ротштейн Э.* Внешняя политика Англии и её критики. 1830–1950. – М., 1973.
7. *Adam G.* Abstract of proceedings relative to the trade on the Indus (in: Burnes J. Narrative of a visit to the Court of Sinde at Hyderabad on the Indus; with a sketch of the history of Cutch and an appendix. Edinburgh. L., 1839).
8. *Frazer-Tytler W.K.* Afganistan. A study of political development in Central Asia. – Oxford, 1950.
9. *Greaves R.L.* Persia and the defence of India, 1884–1892. – London, 1959.
10. *Wheeler G.* The peoples of Soviet Central Asia. – London, 1966.
11. *Sykes P.* A history of Afghanistan: in two vol. – London, 1940.
12. *Andrews C.F.* The challenge of the North –West Frontier. – London, 1937.
13. *Hauner M.* Central asian geopolitics in the last hundred years: a critical survey from Gorchakov to Gorbachev // Central Asian Survey. – 1989. – № 8.
14. *Kreutzmann H.* Vom Great Game zum Clash of Civilizations? Wahrnehmung und Wirkung von Imperialpolitik und Grenzziehungen in Zentral-asien // Petermanns Geographische Mitteilungen. – 1997. – 141.
15. *Karl E. Meyer and Shareen B. Brysac.* Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. – Washington, DC: Counterpoint, 1999.
16. *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. – М., 2004.
17. *Труайя А.* Александр II. – М.: Эксмо, 2004.